

© 1993 г.

ЮМОР КАК ЗЕРКАЛО АРМЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

(непричесанные заметки)

Случилось так, что в то самое время, когда было принято решение о формировании номера журнала по военной социологии, я перечитывал Я. Гашека, Книга была раскрыта на том месте, где некий полковник перед строем вершил суд над Швейком и вольноопределяющимся Марекком: «Полковник остановился перед вольноопределяющимся. Тот отрапортовал;

— Вольноопределяющийся...

— Знаю, — сухо сказал полковник, — выродок из вольноопределяющихся,. Кем были до войны? Студентом классической философии? Стало быть, спившийся интеллигент... Да-с, — продолжал полковник, снова обращаясь к вольноопределяющемуся, — и с таким вот господином студентом классической философии приходится мараться нашему брату. Кругом! Так и знал. Складки на шинели не заправлены. Словно только что от девки или валялся в борделе. Погодите, голубчик, я вам покажу.

— В каре! — скомандовал полковник, и команда обступила его и провинившихся тесным квадратом.

— Посмотрите на этого человека, — начал свою речь полковник, указывая хлыстом на вольноопределяющегося. — Он пропил вашу честь, честь вольноопределяющихся, которые готовятся стать офицерами, командирами, ведущими своих солдат в бой, навстречу славе на поле брани. А куда повел бы своих солдат этот пьяница? Из кабака в кабак! Он один вылакал бы весь солдатский ром... Что вы можете сказать в свое оправдание? — обратился он к вольноопределяющемуся. — Ничего? Полюбуйтесь на него! Он не может сказать в свое оправдание ни слова. А еще изучал классическую философию! Вот действительно классический случай! — Полковник произнес последние слова нарочито медленно и плюнул. — Классический философ, который в пьяном виде по ночам сбивает с офицеров фуражки! Тип! Счастье еще, что это был какой-то офицер из артиллерии» [1].

Похоже, Гашек уловил пункты социологического подхода к исследованию армии. В самом деле, достаточно ознакомиться с материалом Международной Социологической Ассоциации «Вооруженные силы и общество», чтобы увидеть, что его авторы, вольно или невольно копируя Гашека, выдвинули следующие три основных направления в социологическом исследовании вооруженных сил: во-первых, военная профессия и военная организация, во-вторых, отношение военных к гражданским и наоборот, и, в-третьих, социология войны и внутригрупповой армейский конфликт [2]. Все они легко прослеживаются во взаимоотношениях главных персонажей романа.

Гашек потешается над определенной — австро-венгерской армией и вместе с ним смеемся мы, ибо для каждого из нас армия — часть собственной жизни. Многим пришлось испытать романтику армейской службы и сборов. Приобретенный там бесценный опыт породил не только веру в общечеловеческие ценности (еда, сон и питье), но и «классовую» любовь к умным и деликатным командирам, — единственную любовь, которая запомнится до последних дней нашей грешной жизни. Ну, это мелочь... Что касается функций смеха вообще, независимо от того каковы его причины, — замечу: армия невозможна без юмора. Олицетворяя механическую или электронную мощь, она была бы обречена на саморазрушение в случае абсолютной серьезности. И смех исчезнет лишь в том случае, если в туманном будущем роботы полностью заменят «живую силу»,

Способную нынче, как ни странно, страдать, гневаться и смеяться. Помните, у А. Твардовского:

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой...

Любопытно, что в нашей социологической литературе отсутствует период, который можно было бы охарактеризовать как период шумливого оптимизма. Социологи обычно были унылыми людьми, методично вырабатывающими, как и большинство гражданских ученых, цинично серьезное отношение к жизни. Они становились весельчаками лишь во время симпозиумов, "круглых столов", осушив предварительно пару бокалов отечественного горячительного. Но этот юмор, к сожалению, не проникал в их книги,

И если бы не было случаев легкого помешательства у отдельных отечественных особей, жизнь была бы совсем скучной... Мы были бы и сегодня лишены возможности позабавиться разоблачением, например, одним социологом крупномасштабного заговора военных и кэббистов, вооруженных, ну, совершенно «путчистским манифестом», написанным своим коллегой. Разве можно отказать в удовольствии пощекотать себе и другим нервы старательно пережаренной газетной «уткой»? Так что и социологам не чужд солдатский юмор...

Но вернемся к шедевру армейского юмора. Солдата Швейка можно рассмотреть не как абсолютное отрицание специфичной общности — армии (социологический аспект) и не как «беспощадную критику австро-венгерской монархии, (политический аспект), а как обычное внутреннее противодействие, оппозицию простого человека навязываемым ему «героическим» стандартам поведения. Социальная значимость Швейка состоит не в отведенной ему роли, не в остроумных диалогах, а в самой сущности армейской службы — настолько бессмысленной и жестокой, насколько наивно героической и до трагического смешной. Недаром десятки авторов и среди них Брехт («Швейк во Второй Мировой Войне») переносили образ маленького смешного солдата в иное время, но с обязательным предназначением представлять армию с ее властью и силой абсолютно беспомощной, если не глупой. Замечу, что некоторые социологи считают что деспотизму армии можно с успехом сопротивляться ненасильственно, но это будет достаточно скучным занятием. Наибольший эффект производит несоответствие маленького смешного человека и строгой организации [3].

Придерживаясь классификации военной социологии, столь гениально намеченной Я. Гашеком и докладом МСА, рискну продолжить ее. Смех, как известно, дело серьезное. На языке философов и социологов — это могучий социальный институт, рождающий "удивительную целостность, лишь на первый взгляд кажущуюся хаосом или бесконечно многообразным набором смеховых "монад", существующих отдельно и независимо друг от друга" [4]. Слов нет, в определениях смеха и юмора заключен глубокий научный смысл, невольно, как и любая вооруженная сила, вызывающая уважение. И все же человеку, ощущающему несоизмеримость индивидуального Я и системно-роевого целого, никогда не следует упускать возможности порезвиться, штудировав наши серьезные книги и статьи.

Упомянутый выше материал МСА штурмом захватил ненадежный плацдарм моего внимания своими трактовками военного профессионализма и военной организации. Представители гражданской социологии, несомненно позаимствовав эти понятия у военных, называют примитивно то, что стоит за ними, просто социологией профессии и социологией организации. Эти уныло традиционные для штатских социологов представления — симптом неизлечимой для штатских болезни — либо редукционизма, либо склонности к чрезмерному резонерству. Военный же профессионал компетентен, ответствен, корпоративен. Но, конечно же, армия, как и любой социальный организм, подвержена изменениям: она становится более интеллектуальной, открытой и социально-представительной. Доказательства? Сколько угодно... Составитель так называемых "солдатских хохм" В. Сметанин привел наиболее полный перечень высказываний военной элиты — преподавателей военных кафедр в вузах и училищах. Осмелюсь привести лишь некоторые из них:

— Товарищи курсанты! Я к вам направлен из войск, а в войсках дураков не держат!

— Значение синуса в военное время может достигать четырех.

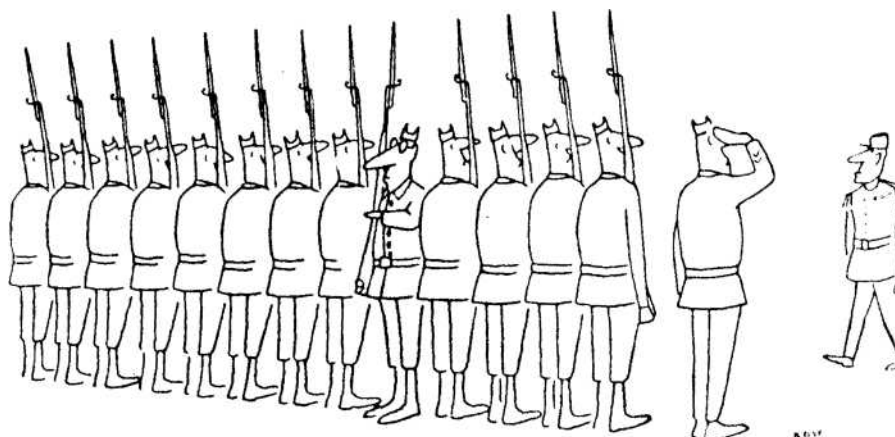

Рис. 1

- Пусть число танков равно "икс"... Нет, мало, лучше — «игрек».
- Противогаз действует в радиусе 30 минут.
- Торпеда хранится в таком положении, чтобы ее нижняя часть была наверху. Чтобы не ошибиться, где верх, а где низ, на нижней части имеется надпись "верх".
- Перпендикуляр подходит вон к этой прямой и ее сечет.

— Что вы, товарищ курсант, такой неровный квадрат нарисовали? Вы что, дальтоник?

— Товарищ студент, почему вы явились на занятия военной кафедры в штанах наиболее вероятного противника?

— Товарищ курсант, вы уподобляетесь африканской птице страусу, которая с высоты своего полета не видит генеральной линии партии.

— И он взорвал себя гранатой. К этому его готовила семья и школа [5]. Разумеется, этот «учебный» юмор легко очерчивает границы смысло-содержательных групп. И как полагается, символами данных групп могут выступать дисциплина ("Молчать! Я вас спрашиваю!"), уставы ("Возьмите уставы и перепишите все наизусть"), трепетное отношение к женщинам («Из девушек студенток мы должны сделать женщин офицеров. Сначала займусь я, а потом и другие офицеры нашей кафедры»), культ чистоты в аудиториях (Начальник кафедры: «Дежурный! Чей на полу окурок?» Дежурный: «Ничей, товарищ генерал. Курите на здоровье!»). Вынесенные за пределы военной службы, эти высказывания несколько теряют свой глубочайший смысл. Тем не менее многие шутки, типичные для одной социокультурной среды, могут с успехом восприниматься и другими группами (рассказы о поручике Ржевском, Василии Ивановиче, Петьке и Анке и др.). Это ли не дополнительный признак все большей открытости армии другим институтам общества? Функционально же юмор как элемент культуры регулирует поведение людей, и всякого рода шутки выражают доминирующие ценности общества и сокращают разницу в статусе. Сомневающимся рекомендую при встрече с генеральской семьей — сейчас она стала статистически более доступной для общения — (по плохо засекреченным газетным данным, генералы с домоладцами составляют приблизительно 16% населения России, занимая при этом 41,2% дачных участков), рассказать пару бородатых анекдотов об "ухах", "увелтюрах" генеральских жен.

Само собой разумеется, и это подтверждают коллеги — военные и штатские социологи — воинская культура и военная профессионализация под воздействием политических, экономических и технологических достижений претерпевают исторические изменения. Если раньше солдаты по сути дела были малообразованными людьми, а офицеры узкими специалистами, то нынешний уровень техники кардинально изменил ситуацию. Надежность и выучка подавляющей части офицерского состава вполне соответствуют требованиям конца нашего столетия,

...Идут совместные учения курсантов военно-морских училищ России и США. Рано утром капитан крейсера выстроил российских курсантов и кричит:

— Кто протирал пульт?

Американцам этот тон не нравится.

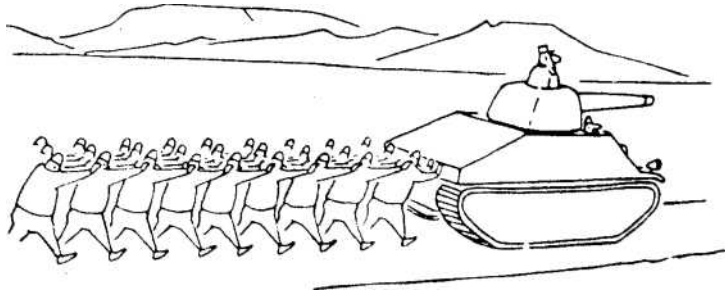

Рис. 2

— А вот у нас в Америке...

— Да подождите вы! Я спрашиваю, кто протирал пульт?

— А вот у нас в Америке...

— Да нету больше вашей Америки! Ну кто же протирал пульт?!

Примерно те же тенденции отмечаются и у создателей теории **военной организации**. Известно, что на мировом уровне традиционные армейские проблемы дополнились новыми: как вводить инновации и как сохранить организационную эффективность при сложной технологии. Впервые, на наш взгляд, с этими трудноразрешимыми задачами столкнулись хитроумные американцы. Литературные источники во всяком случае об этом свидетельствуют достаточно точно. А. Уорд (1834—1867) описывает прием правительственными чиновниками нового вида оружия таким образом;

«Последним орудием, подвергнутым испытанию, была горная гаубица совершенно новой конструкции. По словам изобретателя, ее великим достоинством было то, что для нее не требовалось пороха. Во время боя ее устанавливают на вершине высокой горы, и ядро свободно вкатывается в дуло. Когда противник проходит около подножия горы, дежурный артиллерист наклоняет гаубицу, и ядро скатывается по склону в самую гущу обреченных врагов. Дальнобойность этого грозного оружия в большой степени зависит от высоты горы и расстояния до ее подножия. Правительство сделало заказ на 40 таких горных гаубиц, по сто тысяч долларов за штуку, для установки на первой же горной вершине, которую удастся обнаружить на неприятельской территории. [6].

Использование новой техники, разумеется, требует достаточной квалификации со стороны офицерского состава. Возникающие при этом сложности довольно легко преодолеваются с помощью простых, доступных систем информации.

По океану плывет английский крейсер. Впереди всплывает советская подводная лодка. Ее капитан выходит наверх и кричит;

— Эй, на крейсере, в какой стороне Австралия?

— Курс норд-ост, — отвечают ему.

— Да ты не выпендривайся, ты рукой покажи!

* * *

По-прежнему умы военных и полувосенных специалистов будоражат *взаимоотношения* двух основных столпов общества; *армии* и *народа*. Их вдохновляет одновременно и благородные, и враждебные чувства и, признаю, последнее является чем-то трудноуловимым. Несомненно одно — критика гражданских лиц весьма редко направлена на конкретные личности, она просто констатирует явное несовершенство, свойственное всему живущему, дышащему, к тому же явно неорганизованному («Если вы все такие умные, то почему строем не ходите?»)

Одним из первых социологов, кто обратил свое благосклонное внимание на эту проблему, был, конечно же, Ч. Райт Миллс. Наблюдая за постоянным увеличением расходов на оборону и централизацией средств осуществления власти, автор постоянно твердил о каком-то военном детерминизме, что, впрочем, мало беспокоило саму армию.

У военных, имеющих собственную организацию, чувство корпоративности и авторитарную власть, всегда были в руках эффективные средства для свержения правительства. Поэтому-то штатские социологи постоянно искали, как животные паразитов в своей шерсти, социальные и правовые нормы, регулирующие взаимоотношения

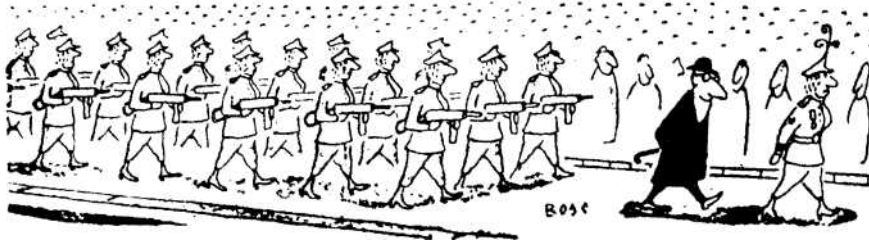

Рис.3

между гражданскими и военными властями. Один из американских авторов вообще открыл связь между потребностью государственного строя в сильнодействующих нормативных актах, предписывающих контроль штатских над военными, с потребностью семьи в запрете на кровосмешение! [7]. Сеймур Липсет, (а это был он) нашел особую строгую норму в присяге — клятве повиноваться правительству. Впрочем, замечает он, упор на послушание связан с необходимостью обеспечить повиновение солдат своим командирам во время боя [8]. Осмелюсь предположить, что смысл последнего замечания высококочтимого политолога как раз и лежит в основе символики и ритуала, связанного с принятием воинской присяги. Эта присяга (императорскому дому, его семье, президенту, народу Ботсваны, США или России или прочим социальным и социально-территориальным общностям) представляется каким-то особым, важнейшим индикатором служебной подчиненности.

Сакральность этого акта доставляет его участникам ни с чем не сравнимое физиологическое удовольствие,

Призывник говорит офицеру, что не будет принимать присягу, потому что он пацифист. Офицер пошел советоваться с начальством. Возвращается и говорит:

— Мне сказали, что хоть ты и педераст, а присягу принимать должен! [9].

Тема присяги, кажется, обогатилась последними событиями. Эти события, связанные с распадом СССР, подтвердили, что случается довольно часто, одно из положений С. Липсета: «Там, где законность слаба, где армия не воспитана в традициях признания власти штатских, где в недавнем прошлом военным приходилось менять свою преданность одному режиму на преданность другому в результате получения страной независимости или революций, верность присяге не будет прочной» [10].

— Василий Иванович, будем принимать украинскую присягу?

— Нет, Петька, настоящий воин два раза присягу не принимает!

— Ну да? Сам же сначала присягал на верность царю, потом Ресэфэсээрэ?

— Точно... Ладно, одной присягой больше, одной меньше... Наливай, Петро, як тебе по батькові? [11].

Насмешка и гротеск как реакция на пафос и трагизм постоянно проявляются в различного рода спектаклях, кинофильмах, анекдотах, карикатурах. В рисунках Боска, которые мы решили воспроизвести, армейская символика кажется вообще бессмысленной. В мировой же литературе стала типичной комическая, глупая, если вообще не безмозгая, фигура военного министра.

Брежнев Л. — Слушай, Дмитрий! Партия требует от армии сокращения штатов.

Устинов Д. — Слушаюсь, Леонид Ильич! Начнем со штата Флорида!

Этот, как и множество других анекдотов («Язов Д. неудачно стрелялся после провала путча, т.к. пуля расплющилась о лобную кость»), является своеобразной реакцией на политическую пропаганду, внедряющую символы, по отношению к которым адресат испытывает положительные эмоции. Символом в таком случае может стать любая ценность, которая в процессе ее социального функционирования эмоционально закрепляет* ся. В этом аспекте следует, по-видимому, рассматривать и другие формы военно-политического символизма — торжественные парады, знамена, пароли, мундиры, ордена [12].

Еврейский писатель Севела Эфраим приводит диалог между старшим политруком Кацем и новобранцем Цацкесом (в сокращении).

— Цацкес, встать! Идите, Цацкес, ко мне. Вот здесь, на плакате, нарисовано наше красное знамя. Объясните мне и своим товарищам, из чего оно состоит...

— Знамя состоит из... красной материи...

— Не материи, а полотнища. — Дальше.

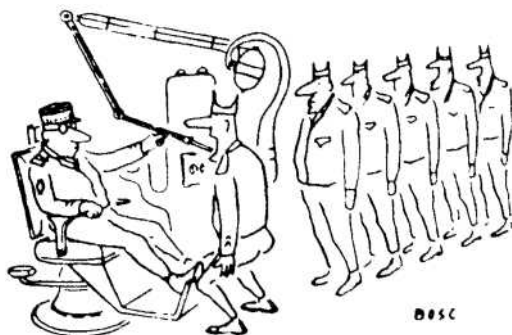

Рис. 4

— Из палки.
 — Не палки, а дровка.
 — Что такое дровко? — удивился Цацкес.
 — Палка. Но говорить надо дровко.
 — Дальше, Цацкес.
 — На конец палки, то есть... этого самого... как его... Надет, ну, этот. Как его...
 Можно сказать на идиш?
 — Нет. По-русски, Цацкес, это называется наконечник. То есть то, что надето на конец [13].

Примерно то же самое происходит с символом «честь» [14]. Литературная классика чрезвычайно богата его интерпретацией. А.Н. Толстой: «Я, бывший офицер и человек чести»; Салтыков-Щедрин; «Он не имел понятия об офицерской чести. Напивался пьян и в пьяном виде дебоширил»; К. Симонов «Из боя он должен был выйти последним — так он понимал свою командирскую честь». Ныне эта «честь» подвергается еще более суровым и славным испытаниям;

Четвертые сутки — штабная шумиха:
 Двоим офицерам грозит трибунал.
 Полковник Голицын избил повариху,
 Майор Оболенский пропил арсенал.
 Полковник Голицын готов застрелиться.
 Ревет повариха, рыдает жена.
 Не падайте духом, полковник Голицын:
 Майор Оболенский спойл трибунал!!! [15]

* * *

Конечно, дискуссия о взаимодействии военных и штатских была бы неполной без изучения конфликтов внутри армии. На наиболее общем уровне они, разумеется, в какой-то степени повторяют ситуацию, сложившуюся в той или иной стране. Межнациональные отношения в СНГ, например, почти зеркально отражены и в армейской среде. Примерно с такими же проблемами сталкивались и продолжают сталкиваться все многонациональные армии (Австро-Венгрия, Чехословакия, Югославия, СССР, Индия, Афганистан и др.) Этнические шутки в армейской среде в таких случаях зачастую носят злобный, агрессивный характер. Если бы этим ограничивалось... К сожалению, юмор во многих ситуациях создает не только чувство солидарности в группе рассказывающих («травящих») и слушающих различного рода байки и анекдоты, но чувство их явного превосходства. Другие группы и отдельные люди — объекты шуток — представляются им откровенными придурками, сексуальными извращенцами и полными импотентами.

В «героической и легендарной, национальные черты того или иного солдата были гипертрофированы ровно настолько, чтобы никто не усомнился в крепнущей дружбе братских народов. Это, кажется, особенно относится к украинцам, евреям, чукчам и прочим родным, но «некоренным» национальностям.

Дежурный по части — дневальному,
— Ты кто такой?
— Рядовой Салямбеков!
— А кто ты в данный момент?
— Рядовой Салямбеков!
— Сержант Пилипенко, объясните Салямбекову, кто он есть на данный момент и каковы его обязанности!

Через полчаса:

— Ну, так кто ты есть на данный момент?

— Чурка трахнутый, товарищ майор!

Мой коллега В.Н. Иванов как-то заметил, что на основе изначального восприятия несправедливости, ущемления формируется «ненавидящее единство», легализующее агрессивность, оправдывающее ее, придающее ей видимость легитимности. Этому единству противостоит конкретный виновник (грузин, еврей, узбек и др.), с которым можно не церемониться.

Немцы подбили танк, окружили его и кричат:

— Рус, сдавайся!

Открывается люк, и из танка раздается голос:

— Русский нет, узбек нужен?

И все же наиболее частыми и многочисленными представляются конфликты, связанные с феноменом подчинения в рамках армейской иерархии. При неслыханном росте чиновничьего и военного аппарата тенденция к конформизму и авторитарности здесь наиболее заметна. Еще А. Вебер, рассуждая о средних слоях общества, превратившихся в чиновников и служащих, заметил, что они стремятся использовать все средства, которые есть в их распоряжении, приковать себя к аппарату и профессии, войти в них. Таким образом, обретается надежность и удобность существования — однако за это требуется связать свою жизнь с аппаратом, быть послушным ему [16].

Формальное подчинение в армии всем известно: младший по званию подчиняется старшему, однако есть и исключения. Кроме того, существует широкая неформальная система подчинения, зависящая, в частности от срока службы. Отсюда и экзотические названия групп, столь хорошо знакомые тем, кто служил в армии. Это «старики», «деды», «дембели», «половники», «салаги». Неофициальная власть, складывающаяся в этой системе, в какой-то мере является продолжением власти формальной, что не смягчает, однако, последствий насилия и произвола [17].

— Товарищ капитан! У вас в роте неуставные отношения. Вчера видел вашего солдата — вся морда лица синяя!!!

Конечно конфликты в армии присутствуют повсюду. Помимо неофициальных (по линии так называемых неуставных отношений) можно упомянуть конфликты между родами войск, между начальниками и подчиненными, работниками тыла и полевых соединений и т.д. Юмор и смех во всех этих коллизиях занимают свое почетное место. Особенно это относится к взаимоотношениям по "линии подчиненности". Сами военнослужащие зачастую склонны рассматривать субординацию в шуточной манере. И юмор, в подобных случаях заметно оттеняет и легитимизирует армейскую власть. Кроме того, психологическая разрядка, сопровождающая шутку, чрезвычайно важна с целью снятия последствий рутинной службы.

Генерал начал делать замечания капралу за какой-то проступок, но тот вежливо прервал его:

— Сэр, давайте лучше оставим это дело. Если мы, начальники, начнем выяснять отношения, то что нам тогда остается ждать от наших подчиненных? [18].

Военная субординация, как можно было заметить, чрезвычайно важна для жизни армии. Строгое подчинение, краткость, исполнительность в этих случаях обеспечивает эффективность в выполнении боевой задачи и в конечном итоге славную победу. Особенно важно четкое и своевременное прохождение команды.

Полковник — своему заместителю:

— В 10.00 произойдет солнечное затмение, что случается не каждый день. Весь личный состав построить рядом с казармой, чтобы каждый мог наблюдать этот природный феномен. Если погода будет плохая и затмение наблюдать не будет возможности, соберите весь личный состав в спортзале.

Заместитель — капитану;

— Завтра в 10.00 будет солнечное затмение. Если пойдет дождь, то его можно будет

увидеть снаружи казармы, а затмение будет происходить в спортзале. Это случается не каждый день.

Капитан — лейтенанту:

— По приказу полковника завтра в спортзале будет проведено солнечное затмение. Если пойдет дождь, то полковник отдаст специальный приказ, что случается не каждый день.

Лейтенант — сержанту:

— Завтра полк проводит солнечное затмение в спортзале, что будет каждый раз, когда идет дождь.

Сержант — солдатам:

— Завтра все увольнения отменяются из-за затмения полковника от солнца. Если дождь пойдет в спортзале, что случается не каждый день, всем построиться рядом с казармой [19].

Услышав шутку, военнослужащие разных категорий смеются по-разному.

Генерал смеется три раза: когда слышит шутку, когда ему объяснят смысл шутки и когда он понял объяснение.

Старший офицер тоже смеется три раза: когда слышит шутку, когда понял ее смысл и когда видно, что генерал рассмеялся шутке.

Рядовой смеется один раз: когда видит, что старший по званию смеется.

Военные социологи не смеются вообще. Во-первых, потому, что они знают наизусть все шутки. Во-вторых, смеяться в присутствии начальника — это нарушение субординации. В-третьих, никуда не годится смеяться вслед за начальником, так как он, чего доброго, подумает, что ты глуп, поскольку начинаешь смеяться с опозданием.

Заканчивая столь краткие заметки по «субординационным» мотивам, надеюсь нанисхождение со стороны своих коллег — военных социологов, поскольку тема эта многовариантна и практически неисчерпаема. Последние, по моим предположениям, сейчас заняты подготовкой новой реформы армии. Гвоздем, вернее, кумулятивным снарядом этой реформы будет военная доктрина. Ее содержание довольно простое «как апельсин, — по типологии М.Н. Руткевича — «армия должна быть настолько малочисленной и слабой, чтобы нельзя было втянуть государство в войну». Вот так-то.

Впрочем, если не шутить, армия — серьезный стабилизирующий институт. И смягчить ее официальность, пожалуй, единственная забота автора этих непричесанных заметок.

А.В. ДМИТРИЕВ

ЛИТЕРАТУРА

1. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. М: Худож. лит., 1982. С. 176—177.
2. Gwyn Harries-Jenkins, Charles C. Moscos. Armed Forces and Society. Current Sociology. London 1981. V. 29. №3.
3. Zijderveld. The Sociology of Humour and Laughter. Current Sociology. 1983. V. 31. № 3. P. 58.
4. Карасев Л.В. Парадокс о смехе // Вопр. философии. 1989. № 5. С. 64.
5. См.: Солдатская хохма и анекдот. М.: Датастром, 1992. С. 16-28.
6. Сатира времен гражданской войны в США, М.: изд-во МГУ, 1966. С. 167.
7. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс 1972 С. 211
8. Там же. С. 212.
9. Советский анекдот. М.: Русская энциклопедия, 1992, С. 32.
10. Американская социология. С. 212—213.
11. Ах, Одесса. Юмор, сатира. 1992. № 8. С 1.
12. См.: Элементы теории политики / Пер. с польского. Ростов н/Д.: Изд-во Рост, ун-та, 1991.
13. Севела Э. Моня Цацкес — знаменосец. Санкт-Петербург, 1992. С 10—11.
14. Словарь русского языка М.: Русский язык. Т. IV. С. 672.
15. Шлейка В., Чудодеев В. Дурдом. М.: Софит, 1991. С. 76.
16. Вебер А. Чиновник // Социол. исслед. 1988. № 4. С. 123.
17. См.: Чижов Ю.В. Короли и пешки // Там же. № 5. С. 77—79.
18. Смех в строю / Сборник иностранного военного юмора. М.: Воениздат. 1992. С. 8
19. Там же. С 213.